

НИКТО НЕ ЗНАЕТ ТЕБЯ

ИНОГДА
СОЦИОПАТ —
НЕ УБИЙЦА,
А... СЛЕДОВАТЕЛЬ

БРИАННА

ЛАБУСКЕС

перевод МАРГАРИТЫ ЛОБИИ

18+

триллер

МИСО

Брианна Лабускес
Никто не знает тебя
Серия «Глазами социопата»
Серия «МИФ Проза»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69383317

Брианна Лабускес. Никто не знает тебя: Манн, Иванов и Фербер;

Москва; 2023

ISBN 9785001958307

Аннотация

Смерть Клэр Кент шокирует всех. В безжалостном преступлении общественность единогласно обвиняет Виолу – девочку с непроницаемым взглядом, хладнокровно зарезавшую собственную мать. Исчадие ада. Психопатку.

Вина Виолы кажется очевидной, пока за расследование не берется доктор Гретхен Уайт. Психолог-криминалист и признанный профессионал, она помогла детективам распутать уже не одно громкое дело. Но за безупречной репутацией скрывается правда: Гретхен сама социопатка. Она видит подозреваемую насквозь и узнает в Виоле себя. Много лет назад Гретхен тоже обвиняли в убийстве, и с тех пор она помнит: дьявол кроется в деталях.

Для кого эта книга

Для читателей психологических триллеров, которые держат в напряжении до самого конца.

Для поклонников книг «Внутри убийцы», «Заживо в темноте» Майка Омера, «Границы безумия» Виктории Селман, «Последний ход» Мэри Бёртон.

Для тех, кто любит расследовать убийства вместе с психологами-криминалистами.

Фишки книги

Мгновенный бестселлер Amazon Charts и Kindle Store.

Более 26 тысяч оценок на Амазон и 20 тысяч на Гудридс.

Все книги Брианны Лабускес становились бестселлерами Amazon Charts.

У автора более миллиона читателей.

На русском языке публикуется впервые.

Содержание

Пролог. Рид	9
1. Гретхен. Три дня ранее...	12
2. Рид. Через три месяца после гибели Клэр Кент...	21
3. Гретхен. Наши дни...	26
4. Рид. Через месяц после гибели Клэр...	39
5. Гретхен. Наши дни...	43
6. Рид. За три недели до гибели Клэр...	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Брианна Лабускес

Никто не знает тебя

Brianna Labuskes
A FAMILIAR SIGHT

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© 2021 by Brianna Labuskes This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2023

* * *

Эбби Сол, моему настойчивому агенту, партнеру по работе и верному товарищу. Другу как в беде, так и в радости. Моя благодарность тебе безгранична. Спасибо, что ты всегда на моей стороне и не устаешь повторять: «Пиши сердцем,

об остальном я позабочусь»

Пролог. Рид

Рид Кент приподнял край невесомой кружевной занавески, чтобы разглядеть подъехавший к бордюру «Порше», и на тыльной стороне его ладони заплясали причудливые солнечные зайчики.

Из небольшой красной спортивной машины возникла женщина и посмотрела прямо на Рида, словно зная, что он там, на последнем этаже коттеджа, словно ища его взгляда.

Рид отступил в спасительную темноту. Занавеска упала, однако ее прозрачная кисея не могла скрыть от Рида ни женщины, ни ее напряженных глаз. Постояв несколько секунд, женщина отрывисто кивнула своим мыслям и шагнула к крыльцу.

Рид отшатнулся, вжался спиной в стену и медленно сполз на пол. В дверь постучали. Раз. Другой. Третий...

Затем все затихло.

Эхом вторя стуку, Рид побарабанил пальцами по стволу пистолета, бережно зажатому в ладонях, и обессиленно уронил голову на колени.

Почему все закончилось именно так?

На первом этаже распахнулась дверь.

Этой женщине в уме не откажешь. Она понимает, как ему обрыдло играть в прятки. Он даже не стал запирать дверь на замок. А она... Она даже не озаботилась получить ордер

на его арест.

На лестнице раздались шаги. Осторожные и неуверенные вначале, они быстро перешли в drobный цокот высоких каблуков по мраморным ступеням. От этого стаккато у Рида свело скулы. Сколько времени у нее уйдет, чтобы добраться сюда?

Секунд сорок?

У него сбилось дыхание, сердце бешено – вот-вот вырвется из груди – заколотилось о ребра. Как он до этого докатился? Он вспоминал, перебирая в уме события жизни...

Каждую ошибку.

Каждую влюбленность.

Каждое несчастье. Каждый синяк и каждый смешок. Каждый малодушный поступок и каждый поворот не туда.

Двадцать секунд.

Рид перехватил стеклянный взгляд плюшевого медведя, забытого Майло в переворошенной постели Себастиана. Мальчишки уговорили Рида купить им двухъярусную кровать, и Рид не смог отказать. Они просили так мало. Они страдали так много.

Отбросив смущение, Рид заскулил, потянулся к плюшевому зверьку, когда-то нежно любимому и обласканному Майло, и зарылся лицом в его потертый на животе мех. Ему почудилось, что он ощущает запах Майло. И даже Себастиана. Запах детства и невинности. Беспечных проказ и горестных слез.

Три секунды.

Рид отшвырнул медведя, вскочил и прижал пистолет к бедру. В нем клокотал страх. В нем бушевала ярость.

Одна секунда.

Рид глубоко вдохнул.

Дверь спальни отворилась.

1. Гретхен. Три дня ранее...

Гретхен Уайт не отрываясь глядела на траурные тени, расплзшиеся по безжизненной руке Лены Букер. Они околдовали ее. Так же, как бледные губы Лены и запрокинутая на диванные подушки голова.

– И почему это я не удивлен, застав тебя с трупом? – раздался у нее за спиной ворчливый голос с типичным бостонским акцентом.

– Потому что, по твоему мнению, я убийца, который оказался тебе не по зубам, – сухо и чистосердечно ответила Гретхен, поворачиваясь к незаметно подкравшемуся детективу Патрику Шонесси.

Рядом с детективом стояла миниатюрная девушка с аппетитными формами, иссиня-черными волосами и огромными, словно у олененка Бэмби, карими глазищами.

Час назад Гретхен обнаружила Лену холодной, как лед, а два часа назад подруга прислала ей на автоответчик полное боли и отчаяния сообщение. Сообщение, о котором Шонесси знать необязательно.

«Я наломала дров, Грета», – призналась Лена.

– Убийца оказался мне не по зубам, – задумчиво протянул детектив и поддернул брюки, вечно сползавшие с его живота, непомерно округлившегося от ежедневных пивных возлияний и пристрастия к жареной пище.

– Против правды не поперешь, верно? – хмыкнула Гретхен. Олененок Бэмби окинула их озадаченным взглядом.

– Вы знакомы? – спросила она.

Гретхен чуть не ляпнула язвительное «еще как», но вовремя прикусила язык. Она давно научилась подавлять желание говорить первое, что приходило на ум. А порой и второе, и третье. Она и не помнила, с кем в последний раз общалась откровенно и без стеснения, предварительно не взвешивая каждое слово. Возможно, именно с Леной, особенно в те мгновения, когда на нее нападал приступ самоедства.

– О, среди нас появился настоящий детектив! – возликовала Гретхен. – Повезло тебе, Шонесси!

Попытка хоть как-то смягчить тон пропала втуне, и ее возглас прозвучал намного саркастичнее, чем это допускалось в приличном обществе. Впрочем, безжизненное тело подружки, над которым они трое склонились, служило достаточным оправданием для ее колкости.

Шонесси обиженно засопел и представил их:

– Детектив Лорен Маркони. Гретхен Уайт.

– Доктор... – задетая за живое, Гретхен метнула на Шонесси мстительный взгляд.

Детектив намеренно опустил ее ученую степень.

– Доктор Гретхен Уайт, – раздраженно поправил себя Шонесси. – Наш местечковый социопат.

Последняя фраза предназначалась Лорен Маркони. Детектив озадаченно приподняла косматые брови, и по ее глад-

кому лбу рябью пробежали морщинки. Наверняка она восприняла это выражение как дружескую шутку: теперь «социопатами» обзывали кого ни попадя и слово потеряло всякий разумный смысл. Бедняжка. Вскоре она узнает, что Шонесси и не думал шутить.

Гретхен воспользовалась замешательством Лорен и хорошенько ее рассмотрела. А ведь детектив не так молода, как ей показалось. «Гусиные лапки» в уголках глаз и вертикальные складки возле рта выдавали в ней женщину, перевалившую за тридцать.

Маркони едва заметно улыбнулась и, не дрогнув, выдержала испытующий взгляд Гретхен. Как и большинство женщин-полицейских Бостона, Маркони предпочитала наряд, создававший образ грозного и умеющего постоять за себя профессионала, то есть ботинки, джинсы, свитер и надетую под низ рубашку. И не жаловала косметику. Гретхен понимающе усмехнулась: если женщина-полицейский не хотела, чтобы в гнусном гадюшнике, именуемом полицейским управлением, ее затравили старые толстые белые чмошники, она волей-неволей поступалась женственностью.

Маяча за левым плечом Шонесси, детектив излучала уверенность, стойкость и почтительность. Но маска серьезности на ее лице не могла скрыть ее невероятной естественной красоты, от созерцания которой на Гретхен обычно нападало желание замучить кого-нибудь самым немислимым образом.

Гретхен прищурилась и перевела взгляд на Шонесси.

– Наш местечковый социопат... – пожевал тот губами, – ...и бесценный внешний консультант полицейского управления. Помогла нам распутать несколько десятков дел, связанных с диссоциальным расстройством личности и преступлениями насильственного характера.

– «Консультант» – значит человек, делающий за него всю работу, – пробормотала Гретхен, наклоняясь к Маркони. Если Шонесси утром встал не с той ноги и мечтает затеять свару, она в долгу не останется. – Меня зовут, когда полицейские не могут выбраться из тупика, в который сами себя завели.

– Зовут на свою голову, – вяло, без должного огонька буркнул Шонесси. – Лучше бы сразу призывали дьявола, а ее бы оставили леденцы сосать.

Это была их старая, избитая шутка, скорее дразнилка, вряд ли, впрочем, понятная стороннему слушателю. Гретхен вопросительно покосилась на Маркони, но отрешенное лицо детектива хранило выражение полнейшей невозмутимости.

– Из-за твоей чудовищной некомпетентности у меня дел невпроворот, – огрызнулась Гретхен, немного кривя душой.

Убийства в таком крупном городе, как Бостон, происходили нечасто, и хотя Гретхен несколько раз оказывала услуги ФБР, агентство не привлекало ее к расследованиям за пределами штата Массачусетс.

Но Гретхен не жаловалась. Солидный трастовый фонд

поддерживал брэнное существование, а консультирование загружало интеллектуальной работой ее мозг. Работой важной и необходимой. Любой ценой Гретхен старалась избежать скуки. Скука вела к нервным срывам и безобразным выходкам, грозившим разрушить жизнь, которой она в настоящее время искренне наслаждалась.

Расследуя преступления, она удовлетворяла нездоровое, зародившееся в ней еще в детстве любопытство к мертвым телам. Когда же расследовать было нечего, она писала статьи для научных журналов. Статьи, которые, естественно, никто не читал, укрепляли ее профессиональную репутацию, что давало копам весомое основание обращаться к ней за помощью.

Гретхен снова уставилась на Лену, распростершуюся на диване стоимостью в десять тысяч долларов. Лена два месяца колебалась, стоит ли его покупать.

– Итак, Грета, каким ветром тебя сюда занесло? – озабоченно спросил Шонесси, подходя ближе.

Полицейские, словно темно-синие волны, плещущиеся о берег однотонных бежевых стен, сновали туда-сюда по квартире, но Гретхен и Шонесси их не замечали.

– Таким, что именно я обнаружила тело.

Шонесси недоверчиво запыхтел:

– Копы находят меньше мертвецов, чем ты.

Гретхен вздохнула – крыть было нечем.

Ее глаза зашныряли по телу, отмечая и занося в память

первые признаки трупного окоченения, обусловленного химическими процессами в мышечной ткани: остекленевшие зрачки, стиснутые челюсти, сведенная судорогой шея. Час назад, когда Гретхен ворвалась в квартиру, ей померещилось, что Лена безмятежно спит.

Теперь же у нее не оставалось ни малейших сомнений: подруга мертва.

– Передозировка, – вздохнула Гретхен.

В прошлом Лена баловалась обезболивающими, но всегда – благо в средствах она не нуждалась – покупала очень добротную наркоту. Правда, Гретхен не поручилась бы, что в наши дни даже добротную наркоту не разбавляют фентанилом. С другой стороны, с Лены стало бы потерять осторожность и пуститься во все тяжкие, не заботясь о последствиях.

– Передозировка, а не самоубийство? – уточнила Маркони, видимо получив от Шонесси условный сигнал, что Гретхен допущена к расследованию, невзирая на отсутствие у нее полицейского значка. – Я так понимаю, посмертной записки нет?

Этот глупый вопрос взбесил Гретхен окончательно, и она поспешно отступила на пару шагов, чтобы не броситься на Маркони с кулаками. Давно ее не охватывал приступ столь неистовой злобы. Давно железный занавес ее внутреннего самообладания не ослабевал под натиском столь бешеной ненависти. Давно ее не трясло от желания переломать

кому-нибудь кости и обагрить ладони свежей человеческой кровью.

– А тебя каким ветром сюда занесло? – спросила она Шонесси, пропуская вопрос Маркони мимо ушей. Она давно поняла, что лучший способ обуздать внезапно накатывающую безумную ярость – усилием воли выбросить все из головы и отвлечься на что-нибудь постороннее. – Передозировки не твой конек.

Шонесси долго молчал, оглядывая тело, оставленное врачами скорой лежать в той же позе, в котором оно изначально находилось, и произнес:

– Я веду дело Виолы Кент.

– А я будто не знаю, – хмыкнула Гретхен и, не скрывая пренебрежения, повернулась к детективу спиной.

– Лена Букер защищала Виолу Кент, – упрямо гнул Шонесси, словно бостонская пресса не трубила об этом деле на первых полосах газет. Слово Лена Букер не была близка с Гретхен. Так близка, что Гретхен называла ее «подругой».

– Хочешь верь, хочешь не верь, но это не ускользнуло от моего внимания, – процедила Гретхен.

Ни один мускул не дрогнул на ее бесстрастном лице. Никто не прочел бы на нем ни о последнем сообщении, оставленном Леной на автоответчике незадолго до смерти, ни о папке с документами, подобранной Гретхен рядом с телом усопшей до того, как приехали медики и криминалисты. Папке, подписанной «Виола Кент».

– И по этой причине они не увезли тело?

Шонесси приподнял плечо:

– Мэр и комиссар требуют досконального расследования. Сама понимаешь, какая свистопляска начнется, если со смертью Лены не все окажется чистым.

«Свистопляска» – это слабо сказано. Если выяснится, что смерть Лены связана с самым громким за последнее время убийством, закрутится бешеная карусель. Трагедию, обрушившуюся на семью Кентов, успели перетереть до мельчайших подробностей, и наскучившим читателям требовались новые сенсации.

Полгода назад, чуть ли не день в день, тринадцатилетняя Виола Кент до смерти заколола свою мать, Клэр Кент, пока та спала. Отец Виолы, Рид Кент, когда его прижали к стенке, сознался, что дочь проявляла склонность к насилию и наблюдалась у психиатра. Дальше события нарастали как снежный ком: сплетники трезвонили по всей округе об обнаруженных на участке костях животных, смаковали фотографии младших братьев Виолы, чьи изувеченные тела покрывали синяки и шрамы, а родители одноклассников Виолы делились историями об издевательствах и манипуляциях над своими детьми.

Вскоре ни у кого, в том числе и у бостонских полицейских, не осталось сомнений, что Виола Кент, несмотря на юный возраст, не позволяющий врачам поставить ей окончательный диагноз, – форменный психопат.

Все было яснее ясного: кровожадность Виолы, годами томившаяся под гнетом, наконец пробудилась и, как и боялись ее родители, потребовала выхода.

И хотя Виола приковала к себе пристальное внимание публики, всем казалось, что дело ее не стоит выеденного яйца. В то же время Лена, пока была жива, отказывалась отвечать на вопрос, почему она взялась защищать девчонку, которую все – не только в городе, но и в стране – считали виновной.

И вот вам – пожалуйста. Даже если смерть Лены не имела никакого отношения к убийству, совершенному Виолой Кент, одно неверное слово об их возможной связи – и журналисты своего не упустят и знатно нагреют руки, поднимая рейтинги газет и телепрограмм. А уж о давлении, которое окажут на полицейских, чтобы они отработали на совесть и, не дай бог, ничего не скрыли от общественности, и говорить не приходится.

Малейший намек на скандал в преддверии судебного разбирательства – и все их труды пойдут насмарку.

Гретхен затрепетала, вспомнив приглушенный всхлип Лены, ее судорожное дыхание и покаянные слова.

«Я наломала дров, Грета».

2. Рид. Через три месяца после гибели Клэр Кент...

Эйнсли выключила телевизор, но Рид упорно продолжал таращиться в темный экран.

– Хватит себя изводить.

Швырнув пульт на журнальный столик, Эйнсли присела рядом.

Рид знал, что сестра права, однако с ненасытной жадностью поглощал телевизионные новости и прямые репортажи с места событий, посвященные убийству Клэр. Но проходили недели, и телевизионные хроники всё чаще сменялись тупейшими, муссировавшими кривотолки телешоу, не приносящими ему ничего нового. Державшими их с Эйнсли на голодном пайке.

– Себастиан и Майло? – прокаркал Рид.

Его помешательство на сыновьях, на том, где они и чем заняты, граничило с паранойей. Двадцать минут назад он пожелал им спокойной ночи и теперь не находил себе места, терзаясь, не стряслась ли с ними беда. Он никак не мог унять тревогу. Она стала его постоянной спутницей.

– Уснули, не успев головами подушек коснуться, – улыбнулась сестра, игриво подталкивая его плечом. – Тебе тоже не мешало бы поспать.

Рид почесал костяшку пальца с еле заметным, пересекавшим сустав шрамом. Нельзя срывать на Эйнсли – она все бросила ради него. Заменяла ему и мальчикам мать, пока шел процесс над Виолой. Однако ее нежелание оставить его в покое действовало ему на нервы. Эйнсли вечно пыталась учить его жизни. Разумеется, для его же блага.

– Я не устал, – прошептал он.

У него нет прав раздражаться. Он должен быть благодарен сестре за доброту и заботу.

Схватив пульт, он включил телевизор. Передавали новости. Эйнсли вздохнула, но ничего не сказала, когда в левом углу экрана появилось точеное, красивое лицо Клэр. Журналистка с постной миной, приличествующей серьезности момента, безмолвно открывала и закрывала рот, так как Рид выключил звук. Какая разница. Он знал наизусть, о чем она там талдычит.

– Господи, когда ж это кончится, – пробормотала Эйнсли. – Клэр умерла три месяца назад. Можно подумать, за это время в мире не произошло ничего более важного.

«Клэр *убили* три месяца назад», – мысленно поправил ее Рид. Послушать Эйнсли, так Клэр погибла в автокатастрофе или скончалась от хронического недуга, а не пала жертвой безжалостного убийцы.

Впрочем, стоит ли удивляться повышенному интересу средств массовой информации и публики к его семье? Американские кабельные каналы грезят о таких лакомых кусоч-

ках, как дело Виолы. Здесь есть все, чтобы раздуть шумиху: богатая семья, неуправляемая психопатка-дочь, подавленный горем моложавый и очаровательный вдовец.

И представить страшно, что произойдет, копни репортеры эту историю чуть глубже.

«Никто копать не станет, – успокоила его Лена пару недель назад, когда он поделился с ней опасениями, открылся: мысль о том, что все выплывет наружу, не дает ему сомкнуть глаз. – Они даже не подозревают, что мы с тобой лет сто как знакомы».

Сушая правда. «Говорящие головы» терялись в догадках, зачем Лена Букер взялась за дело Виолы Кент, но никто из них так и не нащупал путеводной нити, которая размотала бы клубок, связывающий воедино жизни Рида и Лены, некогда двух бедных ребятишек, умудрившихся назло всем выбиться в люди из нищеты и грязи Саути, Южного Бостона.

«Гляжу, ты не особо благоволишь к своим корням», – хихикнула Лена, ткнув его в бок острым локтем.

В восемнадцать лет Рид повстречал Клэр, девушку из высшего общества, единственную дочь одного из городских богачей. По какой-то неведомой причине она сочла, что он достоин водить ее на свидания, спать с ней и жениться на ней.

Тайну, почему она выбрала именно его, Клэр унесла в могилу.

В то время, однако, ему было не до тайн. И не до вопросов. Он прочно врос в залитую бетоном почву Саути. Когда

Клэр предложила ему обратиться оттуда, он не заставил просить себя дважды.

Фотография Клэр над плечом телеведущей исчезла, появилась фотография Виолы.

Эйнсли безмолвно вытянулась, готовая в любое мгновение приободрить и приласкать испуганного зверька, своего брата. Но на Риде ее утешения больше не действовали.

Не отрываясь от экрана, он скреб шрам на костяшке.

О чем болтала эта женщина? Обстоятельно перечисляла зверства Виолы? Недавно кто-то пустил слухок о висячем замке на двери в спальне мальчиков – и на улице сарафанного радио вновь наступил праздник. Да и кто пропустил бы такую пикантную подробность?

Или дикторша поражалась нанесенным Клэр ножевым ранам, ища и не находя ответа: что переполнило чашу терпения Виолы и толкнуло ее на убийство матери?

На экран поместили его собственное фото, и телеведущая сочувственно и скорбно понурилась, как делали все вокруг, когда речь заходила о Риде.

Эйнсли попыталась выхватить у него пульт, но он отвел руку.

Интересно, а что бы эти люди сказали – да, да, что бы сказали все эти люди, взирающие на него со смесью жалости и откровенного любопытства, – узнай они правду?

Эйнсли вздохнула и нетвердой рукой потрепала его по колену.

– Не мучь себя, ладно?

Рид хмыкнул – вот еще, не дожدهшься – и защелкал пультом, переключая каналы, пока на экране снова не замелькало лицо Клэр.

Плохо же Эйнсли его знала, если думала, что для душевных мук ему требуется помощь новостных программ.

3. Гретхен. Наши дни...

Сложив на груди руки, Шонесси навис над телом Лены, затем вскинул голову и в упор уставился на Гретхен:

– Не будь все ясно, как дважды два, я предположил бы, что это ты ее уколошила.

Гретхен до боли в челюсти стиснула зубы. Сосчитала до десяти, успокоилась. Никакого яда в голосе. Никакой враждебности. Она легка и беззаботна. Что ее жизнь? Великолепно срежиссированный и блистательно сыгранный спектакль!

– Прощу прощения, – ухмыльнулась она, – но я бы все сделала чисто. Комар носу не подточил бы.

– Так поэтому я и сказал «не», – многозначительно произнес Шонесси, пряча улыбку в уголках рта.

Маркони растерянно заморгала:

– Странные у вас шутки, честное слово.

– А мы и не шутим, – заверила ее Гретхен. – Что же до детектива, то он вообще лишен чувства юмора.

– Вам виднее. – Пожала плечами Маркони.

Ничего не скажешь, весомый интеллектуальный вклад в беседу. Гретхен поспешила прочь. Нараставшая в ней ядерная смесь из скуки и раздражения теснила грудь, и она боялась, что вот-вот взорвется. Изю дня в день балансируя на туго натянутом канате, перекинутом над пропастью между дву-

мя уступами социопатии – насилием и противлением насилию, – она уяснила одно: начинаешь терять хладнокровие – уноси ноги.

– И это наш консультант? – спросила Маркони у Шонесси, кивком указывая на спину удалявшейся Гретхен. – Взаправду?

Шонесси что-то забубнил, но Гретхен его не слушала. За годы их совместной работы ему так часто приходилось объяснять людям, кто она такая, что они оба вызубрили эти набившие оскомину фразы назубок.

Более десяти лет назад Шонесси пригласил Гретхен Уайт, доктора психологии, статистики и криминологии, в качестве консультанта по одному уголовному делу, где подозреваемый, по мнению Шонесси, вел себя наподобие Гретхен. Расследование удалось на славу, и Шонесси продолжал обращаться к ней за помощью: вначале осторожно, затем более и более охотно. Его примеру последовали другие детективы, и вскоре Гретхен стала довольно известной, хотя и не особо любимой персоной в Бостонском полицейском управлении. За минувшее десятилетие она помогла раскрыть несколько серьезных преступлений, поэтому на ее сомнительное прошлое в управлении глядели сквозь пальцы.

В начале девяностых, задолго до получения ученой степени и работы консультантом, Гретхен числилась главным подозреваемым в первом крупном деле об убийстве, доверенном детективу Патрику Шонесси. Гретхен едва вышла

из младенческого возраста, а детектив, не успевший отрастить брюхо и облысеть, щеголял пышной светлой шевелюрой и золотым обручальным кольцом на пальце левой руки.

Жертвой убийства была Роуэн Уайт, тетушка Гретхен, а убийцей, как полагал Шонесси, – разумеется, Гретхен.

Однако доказать этого Шонесси так и не смог.

Во имя объективности, которой Гретхен не часто баловала детектива, надо отметить, что их знакомство прошло не совсем гладко: Шонесси увидел Гретхен, когда она склонилась над бездыханной тетушкой, одной рукой стискивая окровавленный нож, впоследствии признанный орудием убийства, а другой – сжимая края отверстой раны на теле убитой. Причем на лице ее, вопреки ожиданиям, Шонесси не заметил присущего детям испуга, а лишь пытливый интерес исследователя, ощупывающего пальцами разодранную плоть.

Масла в огонь добавили и расползшиеся по району слухи о ее странностях. Мол, соседи боялись взглянуть ей, маленькой девочке, в глаза и перебежали на другую сторону улицы, заметив ее приближение.

Вскоре она поняла, что ни ее возраст, ни ее взгляд не имели никакого значения. Просто нормальные люди, которых она величала «эмпатами» в пику тому, как они обзывали ее «социопаткой», обладали шестым чувством, позволявшим им безошибочно определять затесавшегося в их ряды чужака, волка в овечьей шкуре, нацепившего маску добропо-

рядочности, дабы сойти за полноправного члена общества.

Поэтому, когда убили тетушку Роуэн, Гретхен стала единственной подозреваемой. С годами Шонесси дорос до порядочного копа, но в те времена отличался узостью мышления. К тому же его ослепляла уверенность в виновности Гретхен. Он не желал раскидывать мозгами, не желал искать ответ на вопрос, кто в действительности совершил преступление.

А то, что Гретхен ничего не помнила, лишний раз убеждало его в собственной правоте: Гретхен – исчадие ада и непревзойденная лгунья, ловко обманывающая взрослых.

Он с первых же минут увидел в ней волка в овечьей шкуре. Увидел и постоянно об этом напоминал.

Убийство перешло в разряд «висяков», но Шонесси не успокоился. И если бы не изуверская жестокость в его одержимости, Гретхен нашла бы его заикленность на ее особе хоть и назойливой, но все же забавной.

Бессильный ее арестовать, Шонесси не спускал с нее глаз. Гретхен язык намозолила, вдалбливая ему в голову, что великое множество людей с диагностированным диссоциальным расстройством личности не агрессивны и не проявляют насилия. Тщетно. Для Шонесси она навсегда осталась девчушкой с непроницаемым взглядом, склонившейся над обезображенным мертвым телом.

Когда в новостях прозвучало сенсационное сообщение о деле Виолы, Гретхен, потрясенная ошеломительным сходством убийства Клэр Кент с убийством тети Роуэн, ушла

в трехдневный запой. Невероятно: окровавленная жертва, нож и главный подозреваемый – маленькая девочка! Конечно, хватало и отличий, однако тождество двух преступлений немало ее взбудоражило, и она принялась докучать Лена просьбами поделиться информацией о Виоле. Лена неизменно отвечала отказом.

«Вы с ней одного поля ягоды».

Лена позвонила в четыре утра, но Гретхен, погруженная в глубокий сон, не взяла трубку. Разбудил ее требовательный гудок автоответчика.

Лена долго молчала, и в трубке висела томительная, нарушаемая статистическими помехами тишина. Будь это кто-то иной, а не Лена, Гретхен прервала бы сообщение и, запустив телефоном в другой конец комнаты, завалилась бы обратно спать.

Но тут раздался тихий, сдавленный всхлип:

– Я наломала дров, Грета.

У Лены заплетался язык, даже имя «Грета» она произнесла запинаясь. «Вино или таблетки», – подумала Гретхен.

– Вы с ней одного поля ягоды, – пробормотала Лена. – Она... она – это ты.

– Кто «она», милая? – прошептала Гретхен, боясь упустить хоть слово.

– Я наломала дров, – повторила Лена совсем не свойственным ей глухим и печальным голосом. – Исправь все вместо меня, ладно?

Гретхен сжала губы в прямую линию. Голос Лены дрожал, дыхание сбилось.

Да чем там Лена себя одурманила?

Молчание затягивалось, и Гретхен испугалась, что подруга рухнула в обморок, не выключив телефон. Но трубка ожила вновь.

– Ты всегда все исправляла...

– Что мне исправить на сей раз? – спросила Гретхен, понимая бессмысленность своего вопроса.

– Дело Виолы Кент, – мгновенно отозвалась Лена, будто услышав ее. – Гретхен... Виола Кент невиновна.

На этом сообщение обрывалось.

Прерывистый голос Лены так испугал Гретхен, что она подумывала набрать телефон службы спасения. Но подними она ложную тревогу – и Лена ее убила бы: всеведущие журналисты наверняка пронюхали бы об этом и тотчас разместили новость о неадекватном поведении адвоката Виолы Кент на первых полосах газет. Так что Гретхен запрыгнула в машину, подкатила к дому подруги и открыла дверь запасными ключами, которыми ее снабдила Лена.

«Лена просто перебрала, Лена вовсе не наширялась», – успокаивала она себя, мчась по пустынным улицам Бостона.

Однако, бешено гоня машину, стремительно пересекая вестибюль и подпрыгивая в нетерпеливом ожидании бесконечно ползущего лифта, Гретхен словно воочию видела маленький пакетик, засунутый в полупустую упаковку с тампо-

нами, которую она откопала в шкафчике в Лениной ванной.

Рассудив, что Лена имеет полное право расслабляться, как ей вздумается, после напряженной и изматывающей работы, Гретхен ничего не сказала подруге и запихнула упаковку обратно на полку.

И теперь очень об этом жалела. Ну почему она не забрала чертов пакетик и не смыла таблетки в унитаз! Обнаружь Лена пропажу, Гретхен сделала бы морду кирпичом и от всего открестилась бы. Вранье никогда не вызывало у нее затруднений.

Наконец Гретхен переступила порог Лениной спальни, выдержанной – если не считать ломившуюся от книг полку, раскинувшуюся почти во всю стену, – в таком же спартагском стиле, как и остальная квартира.

Странно, но в обстановке комнат никак не проявлялась сильная и яркая личность их хозяйки. Гретхен находила это необъяснимым. Обычно эмпаты так себя не вели. Гретхен, со своей стороны, уделяла убранству дома повышенное внимание, осмотрительно набивая комнаты предметами, которые не имели для нее никакой ценности, но внушали гостям иллюзорные представления о богатстве ее внутреннего мира. Какого только тумана не приходится напускать, маскируя душевный вакуум.

Гретхен пересекла комнату и подошла к ночному столику. Взяла в руки рамку с фотографией Лены и ее бабушки на выпускном вечере юридической школы и нежно провела

кончиком пальца по лицу подруги.

– Я вот чего не понимаю, прямо умираю от любопытства... – вывел ее из задумчивости застывший в дверном проеме Шонесси. Напарницу он, видимо, потерял где-то по дороге из гостиной в спальню.

Гретхен промолчала: нет нужды поощрять Шонесси, он и без того все выложит.

– Почему Лена взялась за это дело?

Вопрос детектива оказался удивительно созвучен ее собственным мыслям. Гретхен обернулась к Шонесси и, размышляя, склонила голову набок:

– Все полагают, из-за меня.

– Из-за того, что Виола Кент несомненный... – Шонесси неловко повел рукой.

– ...психопат, – закончила Гретхен, забавляясь его нерешительностью. – Говори не стесняясь. Этим ты ее не призовешь.

Шонесси фыркнул:

– Значит, Лена взяла это дело не из-за тебя?

– Не из-за меня, – замотала головой Гретхен, отгоняя раздавшийся в ее ушах призрачный голос Лены: «*Вы с ней одного поля ягоды*». – Предполагая обратное, ты упускаешь из виду одно важное обстоятельство.

– Какое?

– Такое, что Виола Кент – психопат, склонный к насилию.

– Это мы уже установили, – отрывисто бросил Шонесси,

однако в его тоне не сквозило и тени раздражения.

Обычно детектив, в отличие от Гретхен, которая вспыхивала, как порох, прекрасно владел своими эмоциями. Возможно, они идеально подходили друг другу, и одна мысль об этом приводила Гретхен в неопишущую ярость.

– А я не склонный к насилию психопат, – сварливо добавила она. – Для тебя что склонный к насилию психопат, что не склонный – все едино, а вот Лена понимала разницу между ними.

– И какая между ними разница? – уточнила Маркони, выглядывая из-за спины Шонесси.

Гретхен скользнула по ней взглядом, раздумывая, много ли та успела ухватить из их разговора и нужно ли ей вообще отвечать. Напарники у Шонесси менялись, как узоры в калейдоскопе, и не оставляли по себе никакой памяти, кроме имен. Правда, некоторые из них отличались любезностью и учтивостью, хотя Гретхен крайне сомневалась, что Маркони из их числа. В другое время она проигнорировала бы вопрос Маркони, но сейчас на нее, ожидая ответа, пристально взирал Шонесси, и ей не хотелось портить благодушного настроения детектива.

– Такая же, как между серийным убийцей-маньяком Тедом Банди и... – Гретхен поморщилась и неохотно выдавила давно приевшуюся ей глупость: – ...и брокером-дегенератом с Уолл-стрит.

– Ясно, – кивнула Маркони.

Шонесси одобрительно замычал, хотя слышал эту фразу бесчисленное количество раз – ровно столько же, сколько Гретхен слышала его объяснения по поводу дамы без полицейского значка, слоняющейся по месту преступления.

– И что ты обо всем этом думаешь, Грета? – спросил Шонесси.

«Я наломала дров...»

– Это не убийство.

Когда знаешь кого-то почти три десятка лет, приобретаешь способность без труда читать невысказанные им или ею мысли.

– Ну да, – с легкостью согласился Шонесси. – Но ты что-то не договариваешь, верно?

Гретхен оглядела спальню и вновь уставилась на Шонесси. Электрический свет, заливавший коридор, ослеплял ее, и ей никак не удавалось рассмотреть выражение лица детектива.

Гретхен вольно обращалась с правдой и не гнушалась недомолвками и беспардонной ложью. Она не собиралась посвящать Шонесси в подробности этой ночи и тем более прокручивать ему сообщение, оставленное Леной на автоответчике. Но она хотела заинтриговать его и добиться разрешения начать собственное расследование.

Нельзя сказать, что утверждение Лены заставило ее безоговорочно поверить в невиновность Виолы. Любой мало-мальски недурственный адвокат, заслуженно получивший диплом, сойдет в могилу, клянясь в непричастности

своего подзащитного к совершенному преступлению. В случае с Леной это произошло в прямом смысле слова. Нет, Гретхен клюнула на другое: на беспомощное «*Я наломала дров, Грета*» и лежавшую на виду папку с именем Виолы. Здесь скрывалась какая-то тайна. И пока она не разгадает ее, пока не выяснит, что Лена совершила или не совершила, она постарается держать рот на замке. Особенно с Шонесси.

Без которого ей, к сожалению, не обойтись. Ведь именно Шонесси вел дело Виолы Кент, и, значит, ей предстояло подцепить его на крючок, бросить ему соблазнительную наживку и попутно отыгаться за нанесенную в прошлом обиду, когда он, едва войдя в комнату, заклеил ее убийцей. Она знала, куда следует надавить: один намек, что он снова проворонил других подозреваемых, – и дело в шляпе.

Гретхен со скрипом обзаводилась знакомыми и друзьями и в мгновения, подобные этому, восхваляла судьбу, одарившую ее хотя бы несколькими из них. Изучая их, нащупывая их слабости, страхи и изъяны, а затем манипулируя ими, она испытывала головокружительную эйфорию, недостижимую даже после приема самых улетных наркотиков.

А слабые места Шонесси она знала вдоль и поперек.

– Верно. Мне звонила Лена, – ответила она, скрещивая на груди руки. В такой позе она чувствовала себя наиболее уютно.

Кустистые брови Шонесси поползли вверх. Их густота, столь не гармонирующая с гладким, как бильярдный шар,

черепом, всегда поражала Гретхен.

– Чего? – переспросил Шонесси, нарочно употребив самое ненавистное для нее слово.

«Чего?» выводило Гретхен из себя: расплывчатое и неточное, оно вынуждало собеседника повторять то, о чем он – определенно и вразумительно – говорил раньше, и болезненно резало слух. Гретхен насупилась.

– И что же она сказала? – пошел на попятную томимый любопытством детектив.

– Она объяснила, почему взялась за это дело, – ничтоже сумняшеся соврала Гретхен, смотря Шонесси прямо в глаза.

Хочешь впечатлить – разыграй драму. Гретхен кожей ощущала нетерпение Шонесси выяснить наконец, почему Лена Букер решила защищать Виолу Кент. Ведь это не лезло ни в какие ворота!

Тринадцатилетняя девчонка, зарезавшая мать, и несколько месяцев, предшествовавших убийству, жестоко истязавшая всю семью, после ареста не проявляла никаких признаков раскаяния. Будь это не Лена, а кто-то другой, Гретхен не сомневалась бы, что все упирается в деньги, саморекламу и скачок по карьерной лестнице, который неизбежно влечет за собой столь громкое, хоть и провальное дело.

Но Лена избегала публичности и гнала прочь как заслуживающих доверия журналистов, так и не заслуживающих доверия телеведущих паскудных шоу, вымаливавших у нее крохи информации ради насыщения изголодавшейся ауди-

тории.

Более того, все прекрасно знали, что Лена занималась только двумя типами преступлений. Во-первых, совершенных ее основным работодателем – мафией, благодаря которой она достойно встретила смерть на диване стоимостью десять тысяч долларов.

И во-вторых, правонарушениями нищих подростков из Саути, которым в противном случае достался бы заваленный работой общественный защитник. Однако за такие дела – а их можно было перечесть по пальцам – Лена бралась очень избирательно и не без особой причины.

Преступление Виолы Кент, дочери баснословно богатых Рида и Клэр Кентов, не попадало ни под одно из перечисленных.

Шонесси и Маркони качнулись вперед, и воздух задрожал от напряжения. Гретхен умело подвела детективов к волнующей развязке. Разумеется, она просто играла с ними, добиваясь от Шонесси полной свободы действий, и все же, вероятно, не сильно уклонилась от истины, произнеся:

– Лена думала, что Виола Кент невиновна.

Брови Шонесси изогнулись домиком, Маркони хрипло задышала.

– А это значит, детектив, – хмыкнула Гретхен, – что ты снова попал пальцем в небо.

4. Рид. Через месяц после гибели Клэр...

Организация похорон заняла у Рида месяц. И это притом, что основная работа легла на плечи Эйнсли.

Разумеется, с похоронами он хватил через край, однако теперь Риду прощалось все: никогда прежде к нему не относились с такой благостной снисходительностью. Ну как же – погибшая жена и психопатка дочь! Добавьте к этому двух затравленных мальчуганов, которых Рид, по общему мнению, защищал всеми мыслимыми и немыслимыми способами, и он вышел бы сухим из воды из любой передрыги – даже если бы совершил убийство.

Неуместный смешок, заставивший вздрогнуть отца Ричардса, вырвался из груди Рида. Он притворно закашлялся, извинился перед священником и ринулся прочь, раздвигая толпу, битком набившуюся в коттедж. Люди, вытягивая шеи, оборачивались ему вслед, чтобы ничего не упустить из разворачивающейся на их глазах, словно в замедленной съемке, катастрофы человеческой жизни.

Эйнсли рассеянно протянула ему блюдо с нарезанным дешевым тортом, но не проследила, взял ли он хоть кусочек. Торт покупали в спешке, внезапно осознав, что на поминки явятся все кому не лень: и родня, седьмая вода на кисе-

ле, и зеваки-знакомые, имевшие самое отдаленное отношение к семейству Кентов. Клэр онемела бы от возмущения, узнав, что сожранный гостями изысканный торт ручной работы заменили приторно-сладкой грубой кондитерской поделкой, облитой глазурью, с кривобокой надписью «Скорбим», небрежно выведенной неумелой рукой.

Скорбим о вашей жене, убитой вашей же дочерью. Дочерью, которую бросили за решетку.

Волна страха, захлестнувшая Рида, отозвалась болью в сердце. Унимая ее, он приложил ладонь и начал мягко массировать грудь.

Уже несколько лет он страдал от панических атак и научился распознавать их симптомы: учащенное сердцебиение, удушье, пелену перед глазами. Подгоняемый нестройным гвалтом, Рид взлетел вверх по лестнице и помчался по коридору. Но голоса, пробившиеся сквозь пол, догнали его и здесь, заполнили собой все пустоты, все поры его тела, уничтожили его собственное «я» и превратили его в героя людских пересудов и сплетен.

На мгновение он ослеп. Когда же зрение вернулось к нему, он понял, что находится в спальне Виолы – скорчившись в углу, он сжимал в кулаке фарфорового единорога, вонзившего рог в выемку его линии жизни. Клэр подарила фигурку на тринадцатилетие Виолы – символ призрачной надежды вернуть все в нормальное русло. Хотя, как они знали, этого быть не могло.

«Я хотя бы пытаюсь! – вздернула подбородок Клэр, неистовая и упрямая, несмотря на подкосившие ее невзгоды. – А ты... ты сдался!»

Обвинение Клэр острым клинком вонзилось в его сердце да там и осталось, напоминая о себе всякий раз, когда он смотрел на Виолу и видел в ней дьявольское отродье, несущее их семье гибель. Уж лучше бы Клэр просто заехала ему по роже.

Но где взять руководство или хотя бы справочник, объясняющий, как вести себя с порожденной тобой дочерью-монстром? Они обращались к психиатрам, но те все как один щипали переносицы, толкли воду в ступе и изрекали непреходимую банальщину.

И не приносили никакой пользы. Виола лечению не поддавалась.

Оставалось только ждать, когда она полностью слетит с катушек и совершит нечто настолько ужасное, что ее запрут за семью замками.

Дверь открылась и тотчас закрылась. Рид еле удержался, чтобы не запустить единого рогом в того, кто посмел переступить порог этой комнаты. Пусть Виола чудовище, но она *его* дочь. Его! И никто не имеет права находиться в ее спальне!

Опустившись на корточки, Лена нежно погладила его колени.

– Мне тут сорока на хвосте принесла, что тебе требуется адвокат, – протянула она весело и беззаботно, словно ниче-

го и не происходило в эти последние месяцы. Словно бремя тайн, которые они делили между собой, не тянуло их прямо на дно. Словно после двух десятилетий мертвого молчания она не ворвалась метеором в его жизнь и не разорвала ее в клочья.

5. Гретхен. Наши дни...

– Скажи им, что смерть Лены не столь очевидна, как кажется, и необходимо провести дополнительное расследование, – втолковывала Гретхен Шонесси.

Эксперты-криминалисты давно ушли, и Гретхен с Шонесси устроились на Лениной кухне, по-современному обставленной до блеска отполированной безликой хромированной мебелью, от которой причудливыми бликами отражался льющийся сверху свет.

Толстой, мясистой рукой Шонесси провел по обвислым щекам.

– Но ведь это неправда...

– Но ведь об этом никто не знает, кроме нас двоих...

Гретхен вздохнула: как все-таки трудно проявлять деликатность, однако оно того стоит. Припомнив слова Шонесси о мэре и комиссаре, Гретхен мотнула подбородком в сторону гостиной:

– К тому же от тебя требуют расставить все точки над *i*, я правильно поняла?

– Правильно, – уныло согласился детектив, чувствуя, что его завлекают в ловушку.

Дипломатические игры просты до изнеможения. Создаешь видимость силы – и весь мир у тебя в кармане. Гретхен понимала это лучше других. Нельзя утверждать, что подоб-

ные игры ей нравились, но она всегда одерживала в них победу.

– Тогда скажи им, что расставляешь все точки над *i*, – лущезарно улыбнулась она. – Лезешь из кожи вон, лишь бы ничего не упустить.

– Это даст тебе пару дней, – сощурился Шонесси. – Что за пару дней ты надеешься выяснить?

– Без понятия, – призналась Гретхен, раздумывая, а не броситься ли Шонесси прямо в ноги, моля о содействии.

Она бы и бросилась, если бы не сомневалась в успехе. Заодно и Шонесси выставила бы полным идиотом. Гордость по боку, когда надо добиться того, чего хочешь.

А она хотела чересчур многого. Для того чтобы ее допустили к расследованию в качестве консультанта, требовалось открытое уголовное дело. Закрытое дело о смерти в результате передозировки наркотиков не подходило. Следовательно, ей кровь из носу нужно было получить официальное разрешение на работу от Бостонского полицейского управления, иначе нужные ей двери не приоткрылись бы даже на щелочку.

– Сделай мне одолжение, Шонесси. Иначе я с тебя живого не слезу.

– Ой, можно подумать, до этого слезала, – грубо хохотнул Шонесси, но резко оборвал себя и пытливо вытаращился на нее. – Ты всерьез считаешь, Лена что-то нарыла?

«Я наломала дров, Грета».

– Нет, но... – Гретхен часто-часто заморгала и отвела глаза.

Порой Шонесси забывал о ее натуре, забывал, что плакать ее заставляли не душевные муки, а невозможность подчинить его своей воле. Смирясь с поражением, она устало приподняла плечи.

– «Виола Кент невиновна» были ее последние слова...

Господи, да кого это волнует!

– Если мы начнем расследование смерти Лены, доступа к делу Кент ты не получишь, – раздался от двери голос Маркони.

Гретхен недовольно скрипнула зубами, прикидывая, как бы ей избавиться от новоиспеченной напарницы Шонесси. Познакомиться с этой выскочкой она не успела, но эта выскочка ей определенно не нравилась. А тот, кто не нравился Гретхен, недолго оставался напарником Шонесси.

– Разве я хоть словом обмолвилась, что мне нужен доступ к делу Кент?

Гретхен пронзила Маркони холодным и оценивающим взглядом, который долго тренировала перед зеркалом наравне с другими разнообразными выражениями лица, дававшими ей с огромным трудом, но детектив даже не вздрогнула.

– Само собой, нужен, – равнодушно пожала она плечами. – Ты же предполагаешь, что Лена траванулась именно из-за Виолы.

Гретхен восхищенно захлопала глазами. Откровенность

Маркони застала ее врасплох, хотя удивляться тут, в принципе, было нечему. В Бостоне все говорили то, что думали. Гретхен с ее склонностью резать правду-матку родилась в правильном городе.

– Мне нужен не доступ, – заупрямилась она, – а видимость законности.

– Законности, облеченной в форму твоего содействия Бостонскому полицейскому управлению?

Дурацкий вопрос, разве она сказала не то же самое? Гретхен демонстративно повернулась к Шонесси:

– Пару дней.

Детектив смерил ее с ног до головы изучающим взглядом и покосился на застывшую у нее за спиной Маркони.

– Идет.

Победа! Сладостно опьяняющая победа расцвела и тут же увяла, когда Шонесси ткнул в Гретхен пухлым пальцем.

– Я приставлю к тебе «няньку».

Тихий стон одновременно сорвался с губ Маркони и Гретхен, правда Гретхен хватило приличия подавить свой в зародыше.

– Напрасная трата средств, – отмахнулась она, понимая, что возражать бесполезно.

Шонесси, наслаждаясь ее замешательством, расплылся в плотоядной ухмылке:

– Ничего, выдюжим. Ты всегда так печешься о нашем... – он с видимым удовольствием покрутил на языке замыслова-

тую фразу, – дефицитном и урезанном бюджете.

Гретхен отклонилась назад:

– А с чего ты взял, что я ее не прикончу?

На лице Шонесси, как и предполагала Гретхен, появилась тупая, самодовольная улыбка.

– Она положит тебя на обе лопатки.

С отточенной годами томностью Гретхен оценивающе скользнула глазами по телу Маркони сначала вверх, потом вниз и пожала плечами:

– Пусть попытается. Я не против.

Маркони приподняла брови, но ничего не сказала. Гретхен недовольно поморщилась: она обожала словесные перепалки.

– Пару дней, Грета, – предупредил ее Шонесси, и в его голосе промелькнули нотки совершенно несвойственной ему жалости. – Пару дней – и баста.

– Мне хватит, – спокойно отозвалась Гретхен, любуясь Маркони.

После вырвавшегося ненароком стопа та будто окаменела.

– Да поможет нам Бог, – пробормотал Шонесси.

Грозно щелкнув пальцами, словно о чем-то предупреждая, – но кого и о чем, осталось для Гретхен тайной, покрытой мраком, – он вышел, не попрощавшись.

– Сильно, – проворчала Гретхен. – Цирк с конями.

Маркони довольно фыркнула.

– Шонесси, что с него взять, верно?

«Любопытно». Маркони втирается к ней в доверие? Гретхен давно уяснила, что общий враг или общее разочарование превосходно сплачивают людей. Она и сама неоднократно прибегала к подобной тактике.

– Нам нужны материалы по делу Кент.

– Я тебя предупреждала... – качнулась на каблуках Маркони.

– Помню, помню, – перебила ее Гретхен, устремляясь в гостиную. – Еще нам надо потолковать с Ридом Кентом.

Ее взгляд уперся в диван, на котором раскинулось безжизненное тело Лены. Само по себе насилие Гретхен никогда не прельщало: лично она предпочитала справляться с врагами, растаптывая их чувства и сражая наповал острым, как бритва, интеллектом. Однако мрачный антураж насильственной смерти манил ее необычайно. Вывернутые конечности, пустые глаза, выпотрошенная плоть, сломанные кости...

– А он ведь не шутил, да? – прошелестела Маркони у нее за плечом. – Ты и вправду социопат.

Оторвавшись от созерцания разметавшихся рук Лены, Гретхен бросилась к двери:

– Ты и понятия не имеешь, что это слово значит или что я из себя представляю.

– Так объясни мне, – фыркнула Маркони, устремляясь за ней.

– Мне за это не платят.

Пора завязывать с просвещением Маркони, иначе Гретхен точно заскучает и выкинет какой-нибудь дурацкий и совершенно непредсказуемый фортель. Лучше пресечь это поползновение на корню и избежать таким образом тяжелых последствий. Досадно, конечно, что ни одна живая душа не способна по достоинству оценить ее потуги держать в узде свой строптивый нрав. Ведь даже не склонные к насилию социопаты порой закусывают удила так, что людям, не привычным к их чудачествам, небо с овчинку кажется.

Шонесси, как никто другой, понимал это. За что ей и нравился.

– Материалы по делу Кент не откроют тебе ничего нового, – забубнила Маркони, когда они подошли к лифту. – По кабельному осветили каждую деталь преступления. Да и адвокатом девчонки была твоя... э-э-э... подруга...

– Представь себе, у социопатов тоже есть друзья, – бросила Гретхен.

Заминка Маркони и рассердила ее, и позабавила. Они быстро пересекли вестибюль и выбрались на улицу. За желтой полицейской лентой, ограждавшей место преступления, засверкали беспорядочные вспышки фотоаппаратов. Стервятники-журналисты, готовые продать души за один только взгляд в их сторону, подлетели к ним, кляпча комментарии. Гретхен и Маркони, уставившись в землю, промаршировали мимо.

– Зачем они вам?

Никакой язвительности, сплошное доброжелательство и любопытство. Гретхен замедлила шаг, взгляделась в лицо Маркони, но не заметила в нем даже слабого намека на враждебность.

Обычно, прощупывая новичков, Гретхен врала им напраую. Водить за нос и напускать туману казалось ей легче и проще. Быть пойманной на слове она не боялась – ну, скажет, что прихвастнула, не страшно. С Маркони, однако, Гретхен решила не лукавить. Ранее она проверила ответ на заданный Маркони вопрос на нескольких подопытных кроликах и осталась весьма довольна результатами.

– Нам нужны люди, которые принимают нас такими, какие мы есть, – призналась Гретхен и покосилась на Маркони. Та, очарованная поэтичностью фразы, умело скрывавшей под собой совершенно непоэтические чувства, одобрительно кивнула.

– Выгоды, которые я получаю от подобных отношений, стоят того, чтобы поддерживать дружеские связи, – договорила Гретхен.

Одобрение мигом сползло с лица Маркони, и Гретхен вздохнула – вечно-то она бежит вперед паровоза.

– В твою машину или мою? – спросила она, лишь бы сменить тему.

Когда общаешься с нормальными людьми, нужно уметь быстро уводить разговор в сторону. Золотое правило.

– Шонесси укатил, – лаконично ответила Маркони,

не вдаваясь в подробности.

Гретхен одобрительно ахнула. Нет ничего хуже эмпата, не умеющего вовремя прикусить язык.

Они завернули в переулок, и Гретхен направилась к припаркованному ярко-красному «Порше».

– Ты что, двери не закрываешь? – изумилась Маркони, усаживаясь на пассажирское сиденье.

– Нет. Люблю жить с огоньком, – отделалась избитой фразой Гретхен.

Для того и существуют клише: словно тропинки, ведущие напрямик, они облегчают взаимопонимание, особенно между обычными людьми и такими, как Гретхен. Всякий раз, когда Гретхен представляла свою реакцию на угон машины, она словно заглядывала в бездонный пересохший колодец – пусто, никаких чувств. Вот если бы какой-нибудь наглец осмелился похитить ее ребенка, это было бы куда интереснее. Но ребенка у нее не было.

Маркони довольно фыркнула. Как и тогда, на кухне. В мысленном досье, которое Гретхен завела на детектива, она поставила галочку напротив графы «Чувство юмора».

– Что ты знаешь о деле Виолы Кент? – спросила Маркони, не моргнув и глазом, когда Гретхен вылетела из переуллка на полосу встречного движения.

По прикидкам Гретхен, Маркони вряд ли работала с Шонесси над делом Виолы, хотя информацией о совершенном девочкой преступлении наверняка обладала. Кто, впрочем,

не обладал? Последние полгода жители города упивались подробностями шокирующего убийства.

Значит, Маркони пыталась выведать, насколько осведомлена обо всем этом Гретхен. Что ж, неплохой заход.

– Около полугода назад, – зачастила Гретхен, – Виола Кент, единственная дочь Рида и Клэр Кентов, поздним вечером до смерти заколола мать. Отец в это время отсутствовал.

– Мотив? – жестко оборвала ее детектив.

– Виола – психопатка с садистскими наклонностями...

Вообще-то девочка была слишком юна для постановки диагноза, но Гретхен подумала, что глупо отрицать очевидное, и без того ясное каждому, имеющему хотя бы зачатки элементарных знаний о человеческом поведении.

– Ей не требуется мотив. Достаточно, что ей просто захотелось взглянуть, как выглядит мамина кровь. Или ее внутренние органы.

Гретхен перебрала в уме факты. Как бы ни разорялась Маркони о недопущении ее к материалам дела, она, по сути своей, и так владела всеми необходимыми сведениями. Ну или почти всеми. У менее стойкого человека фотографии с места преступления вызвали бы душевное потрясение.

– Оружие? – коротко бросила Маркони, оставшись глухой к безапелляционно поставленному Гретхен диагнозу.

– Нож для разделки мяса. Взят с кухни.

Гретхен лихо проскочила на красный свет – и позади возмущенно взвыли клаксоны. Разъяренные водители, не в

силах ничего предпринять, остервенело дубасили кулаками по рулевым колесам.

– А затем происходит необъяснимое: заколов мать, Виола прячет нож в своем же ящике для носков!

– Необъяснимое?

– Нелогичное. Словно в убийстве Клэр можно было заподозрить кого-то еще, кроме садиста-психопата.

Раз за разом прокручивая в голове слова Лены, Гретхен безуспешно пыталась взять в толк, почему ее подруга решила, что Виола Кент невиновна. Психопаты убивают. Мучают. Калечат и убивают. Такова их природа.

– Подобная предвзятость тебя задевает?

Довольная, Гретхен расхохоталась.

– Во-первых, как уже было сказано, я сама социопат. А во-вторых – и прошу, поверь, я говорю искренне, – я несколько не сомневаюсь в виновности девочки. Это Виола зарезала Клэр.

Гретхен помолчала и с нажимом произнесла:

– Виола – психопат с садистскими наклонностями.

– А почему ты сказала Шонесси, что он снова попал пальцем в небо?

Гретхен осеклась. Вот так манипулируешь ими, манипулируешь, а они возьмут и нанесут тебе ответный удар. Похоже, с этой Маркони следует держать ушки на макушке.

– Слушай, если на Лену напала блажь и ее сострадательное сердце вспылало надеждой о невиновности Виолы, это

вовсе не означает, что девочка действительно невиновна.

Лена имела право верить во что ей угодно. К реальности ее вера отношения не имела. Для психопатов нет вопроса «если». Для психопатов есть только «когда».

– А тебе не кажется, что лучшей маскировки и не придумаешь? – спросила Маркони. – Для настоящего убийцы, которому вздумалось покончить с Клэр Кент? Все, что ему нужно было сделать, это засунуть нож в шкафчик девочки, и – вуаля! – у всех отпали всяческие сомнения.

И хотя тон ее был скорее насмешливым, чем серьезным, Гретхен не удержалась от подколки:

– Защищаешь Виолу?

– Всего лишь пытаюсь понять, почему на ее защиту встала Лена. Иначе зачем нам это расследование?

Гретхен опасливо покосилась на Маркони – уж не заподозрила ли та, что Гретхен ведет нечестную игру и утаивает факты? Однако лицо Маркони выражало полнейшую безмятежность.

Возможно, настанет день и Гретхен подробно расскажет ей о последнем сообщении Лены. Но не сейчас. Сейчас она притворится опечаленной подругой, обладающей достаточными связями, чтобы распорядиться полицейскими ресурсами по своей прихоти.

– А Лена случайно не была социопаткой? – спросила Маркони, рассеянно барабаня пальцами по обтянутому джинсами колену.

– Наоборот, – засмеялась Гретхен.

– Но почему тогда... – Маркони запнулась, поджала губы.

– Почему тогда она водила дружбу со мной? – закончила за нее Гретхен. Как все предсказуемо. – Из-за своего сострадательного сердца. Такие сердца притягивают нас как магнитом.

– Вас, социопатов, – тихо пробормотала Маркони себе под нос и добавила сухо, по-деловому: – А муж что? Ты сказала, его не было дома?

– У него железобетонное алиби. – Гретхен нагло подрезала потрепанный минивэн и выставила средний палец его владельцу, который чересчур близко к сердцу принял ее маневр. – Всю ночь проторчал в казино в Бостонской бухте.

А значит, каждое его телодвижение фиксировали камеры наблюдения – поддержка и опора любого казино с момента его основания.

– Так он игрок? – оживилась Маркони.

– Нет.

– Чего? – взвизгнула Маркони, и Гретхен только сейчас осознала, насколько мелодично прежде звучал ее голос, мягко выговаривавший согласные звуки.

Получается, Маркони не уроженка Бостона. Неважно. После этого дела их пути с Маркони не пересекутся. Второе расследование Маркони не светит.

– Нет никаких свидетельств его пристрастия к игре, – пояснила Гретхен, снисходя до повтора только что сказанного,

лишь бы успокоить внезапно напрягшуюся Маркони.

– А что он тогда забыл в казино?

Помедлив с ответом, Гретхен прожгла детектива испытующим взглядом. А не такая уж она, оказывается, и дура.

– Боксерский поединок. Правда, никто не поинтересовался, почему он выбрал для просмотра именно ту самую ночь.

– Тогда все ясно, – шумно выдохнула Маркони. – Убийца – муж. Как обычно.

Гретхен притормозила напротив элегантного коттеджа. Она сразу узнала его – видела на фотографиях из Лениной папки. Повернулась к Маркони и улыбнулась, обнажив передние зубы:

– Ты разве не в теме? Теперь подростки-садисты дают мужьям сто очков вперед.

6. Рид. За три недели до гибели Клэр...

– Привет, папуля.

Откуда Виола, сидевшая за кухонным столом спиной к двери, узнала, что он нерешительно топчется в коридоре? Волосы на его руках встали дыбом: неужели она заметила его отражение в зеркальном лезвии ножа, с которым играла?

– А где твои братья? – спросил Рид, стараясь не выказывать волнения: чужой страх для Виолы все равно что красная тряпка для быка.

Странно, но Виола не разозлилась, а лишь пожала плечами и вонзила нож в столешницу.

– Их мамуля осматривает.

Рид не стал уточнять *зачем*. И так ясно: Клэр проверяет, не появились ли на их маленьких телах свежие синяки или царапины. Бедные мальчуганы! Рид не спускал с дочери глаз, но та все равно ускользала от его бдительного ока и тигранила и истязала младших братишек.

Рид подошел к барной стойке и налил из кофейника кофе – там как раз оставалось на целую кружку. Пить ему не хотелось, но надо было чем-то занять руки.

– Как тебе доктор? – поинтересовался он, подтаскивая стул и усаживаясь напротив Виолы.

Она вскинула голову и дернула плечом. Рид не узнавал свою дочь. Вместо того чтобы кинуться на него и выцарапать ему глаза, она спокойно, с оттенком меланхоличной взрослости – и куда только девалась ее ребячливая капризность? – ответила:

– Он мне не нравится.

Неудивительно. Виола ненавидела психиатров. Взрослые люди, знающие, как работает человеческий мозг, ничего не могли противопоставить сопливой девчонке, умело игравшей с ними в кошки-мышки. От Виолы даже у профессиональных докторов ум заходил за разум.

– Мамуля говорит, мне больше не надо ходить к нему.

Усилием воли Рид сохранил бесстрастное выражение лица. Клэр всегда выступала против психиатров.

Впервые она наложила вето на посещение врачей, когда Виоле исполнилось пять и ее подружку увезли с ожогами в больницу. Откуда взялись ожоги, Виола объяснить отказалась. Затем при виде приближавшейся сестренки начал рыдать Себастиан, но и тогда Клэр заявила, что не надо пороть горячку. Виола хлопала огромными невинными глазами и утверждала, что и пальцем Себастиана не трогала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.